

Хо Линьфэн посмотрел на домик в центре озера. Золото и драгоценности не поместились бы в одну телегу, так что пусть пока остаются здесь. Усадьба начальника округа по-прежнему выглядела величественно, и посторонние не заметили бы ничего необычного в ближайшее время. Что касается остального, он взглянул на красавиц, плачущих, как цветы, и повернул голову, чтобы взглянуть на Жун Лоюнь краем глаза.

— Зачем ты на меня смотришь...

Жун Лоюнь, мучимый болью, выглядел растерянным.

Хо Линьфэн сказал:

— Господин, вы сейчас тяжело ранены, и, хотя красавицы перед вами, у вас нет сил. Подождём, пока вы поправитесь, время ещё есть.

Жун Лоюнь понял его намёк, но был слишком слаб, чтобы возражать, и позволил ему говорить.

В усадьбе они нашли телегу, и Хо Линьфэн уложил Жун Лоюня, а затем связал Цзя Яньси и забрал его с собой. Всех женщин и служанок они заперли в комнатах, чтобы оставить их там на несколько дней. Он выехал через задние ворота, городские лавки были закрыты, и Жун Лоюнь срочно нуждался в лечении, так что нужно было быстро найти место для отдыха.

Хо Линьфэн вспомнил, что по пути они проезжали мимо горы, у подножия которой был старый храм.

Он поспешил туда, и из телеги время от времени доносились стоны Жун Лоюня, который не мог больше терпеть боль.

— Тпру!

Дорога была неровной, и Хо Линьфэн остановился, заглянул внутрь и увидел, что Жун Лоюнь лежит, опираясь на Цзя Яньси.

Он нахмурился:

— Зачем ты к нему прижимаешься?

Стены телеги были твёрдыми, и Жун Лоюнь просто искал мягкую подушку.

Хо Линьфэн подумал и переложил его к краю телеги, чтобы он мог опереться на его спину. Продолжив путь, он слегка наклонился вперёд, время от времени поддерживая Жун Лоюня рукой, и стоны постепенно стихли.

Он сказал:

— Господин, обними меня за талию.

Жун Лоюнь посмотрел на левую ладонь, кровь не останавливалась, и половина руки была неподвижна.

— Я не могу.

Он прошептал, только правой рукой касаясь спины Хо Линьфэна.

— Я хочу...

Хо Линьфэн спросил:

— Что ты хочешь?

Но не услышал ответа, оглянулся и увидел, что Жун Лоюнь свёрнулся калачиком и потерял сознание. Он ускорился и добрался до маленькой горы, у подножия которой стоял неприметный старый храм. У входа маленький монах с любопытством смотрел на них.

Телега остановилась, и Хо Линьфэн взял Жун Лоюня на руки. Тот, кажется, проснулся, слабо приоткрыв глаза, словно красивая, но безжизненная вещь. Он понёс его к храму, но у входа их остановили несколько монахов.

Один из них сказал:

— В храме запрещено проливать кровь, уважаемый, не нарушайте покой священного места.

Хо Линьфэн не ожидал этого и ответил:

— Спасти жизнь — это лучше, чем построить семиуровневую пагоду, разве это не слова Будды?

Он хотел войти силой, ведь дома он часто говорил дерзости перед алтарём, и сейчас не стал бы церемониться.

Шум привлёк настоятеля, который, увидев окровавленного Жун Лоюня, ужаснулся и произнёс:

— Амитофо.

Хо Линьфэн быстро объяснил:

— Уважаемый мастер, округ Ханьчжоу в руинах, мой младший брат рисковал жизнью, чтобы захватить зерносклад и спасти людей, и теперь он тяжело ранен. Пожалуйста, проявите милосердие!

На самом деле он был ранен в мести, и к тому же, что за младший брат...

Жун Лоюнь, мучимый болью и смущением, съёжился, как маленькая черепаха.

Хо Линьфэн добавил:

— Не скрою, начальник округа Цзя Яньси находится в телеге, его преступления неисчислимы, прошу временно запереть его в дровяном сарае.

Настоятель, первоначально сопротивлявшийся, вдруг вспомнил:

— На вершине горы есть пустой Чаньский двор, в сотнях ступеней от подножия, тихий и безлюдный, ваш младший брат может остаться там, чтобы лечиться.

Он быстро распорядился, чтобы ученики принесли чистое постельное бельё.

Хо Линьфэн поблагодарил и сразу же понёс Жун Лоюня на вершину.

Наступив на первую ступеньку, он спросил:

— Больно?

Это был риторический вопрос, Жун Лоюнь просто крикнул, не имея сил кивнуть.

— Тогда я пойду медленнее, чтобы тебе не было хуже.

Хо Линьфэн сказал, словно боясь, что Жун Лоюнь уснёт, и продолжил:

— Господин, знаешь, почему я пришёл?

— Третий господин сказал, что ты пошёл в Башню Чжаому, я как раз был свободен и пошёл туда.

— Но тебя там не было, Дунь Юй была обеспокоена, и я узнал, что ты один отправился в Ханьчжоу.

— Ты сказал, что через три дня придёт старший господин, но старший господин всё время пьёт, когда ему заниматься тобой?

— ... Почему ты не позвал меня? Не доверяешь мне?

Серые каменные ступени, по бокам густые деревья, в ушах — слова Хо Линьфэна. Жун Лоюнь лежал на его широких плечах, слушал, расслаблялся, и даже в боли находил время, чтобы посмотреть на пейзаж.

Поднимаясь по ступенькам, он заметил, что дыхание Хо Линьфэна было таким же ровным, как и его шаги, но пот на висках выдавал его усталость. На сотой ступени он смущённо вздохнул:

— Как высоко...

Хо Линьфэн сказал:

— К счастью, господин худощавый, так что я не чувствую усталости.

Жун Лоюнь опустил глаза и тихо вскрикнул, вытирая плечо Хо Линьфэна.

— Что ты делаешь?

Хо Линьфэн засмеялся, невольно пожав плечами.

— Не трогай меня так, щекотно.

Жун Лоюнь признался:

— Я запачкал твою одежду кровью.

— Ничего, просто лежи спокойно.

Хо Линьфэн сказал, и капля пота скатилась с его виска.

Чем выше они поднимались, тем прохладнее становилось, и воздух становился свежее. Грудь Жун Лоюня прижималась к спине Хо Линьфэна, его холодный пот от боли смешивался с горячим потом усталости Хо Линьфэна, создавая влажную пелену.

Двести ступеней, триста, почти четыреста, и наконец они увидели Чаньский двор.

Хо Линьфэн повернул голову:

— Господин, мы при...

Он запнулся, увидев серый силуэт — это был Жун Лоюнь, с трудом достающий серый платок из своей одежды. Он подобрал его у Башни Чжаому, бросил на лестнице, но оказалось, что Жун Лоюнь всё это время хранил его.

Платок коснулся лба, Жун Лоюнь вытирал его пот, то легонько, то сильнее, даже неуклюже задев его глаза. Он спросил:

— Господин, почему ты не вернул мне платок?

Жун Лоюнь ответил:

— Он всегда был моим.

Хо Линьфэн не понял, но продолжал смотреть на него, и, когда платок убрали, их взгляды встретились. Они были так близко, что можно было разглядеть тонкие веки и даже морщинки на губах. Его сердце сжалось, и рука невольно сжала сильнее.

Жун Лоюнь, почувствовав боль в ногах, неправильно понял:

— Он действительно мой...

Хо Линьфэн не сказал ничего, только хотел поскорее положить его, этот вес на его руках вызывал дискомфорт. Войдя в Чаньский двор, он увидел, что земля покрыта слоем листьев, а комната давно не использовалась и была покрыта толстым слоем пыли.

Молодой господин, который никогда не занимался работой служанки, смирился, закатал рукава и начал убирать. Но у него не было опыта в уходе за другими, и он просто поставил Жун Лоюня у входа, не предложив стул или скамейку.

Вытирать стол и подметать пол было для него уже сложно, а на кровати лежало постельное бельё, принесённое маленьким монахом, и ему ещё нужно было заправить постель. Прожив двадцать три года, он никогда сам этого не делал.

Хо Линьфэн вспомнил Ду Чжэна, который бы точно упал в обморок, узнав, что он убирает. Погрузившись в мысли, он вдруг заметил тишину вокруг и, обернувшись, увидел, что Жун Лоюнь сидит на пороге, опираясь на дверную раму, неясно, спит он или бодрствует.

Его одежда была в пятнах, конский хвост неподвижен, словно жизнь медленно утекала.

Он не мог описать свои чувства, дверь была открыта, и в квадратной раме был виден двор, кирпичи, зелёные деревья в углу и далёкое небо. В нижнем правом углу этого квадрата сидел Жун Лоюнь, его спина была тихой, немного жалкой, немного худой и немного одинокой.

Он вдруг захотел позвать его, назвать по имени.

Но губы его не шевельнулись.

Хо Линьфэн быстро привёл всё в порядок, заправил постель и положил подушку, и только тогда позвал:

— Господин.

Жун Лоюнь отреагировал с задержкой, медленно повернув голову. Он, кажется, сказал «хорошо», но его голос был настолько тихим, что его едва можно было услышать.

Хо Линьфэн подошёл, присел на корточки и попытался поднять Жун Лоюня.

Жун Лоюнь был словно деревянный, прижавшись к дверной раме, позже он стиснул губы, а затем крепко укусил нижнюю губу. После нескольких попыток он сдался, и Хо Линьфэн притянул его к своей груди.

Слабый и униженный, он наконец сдался:

— Ду Чжун, мне так больно.

Хо Линьфэн знал, что Чэнь Мянью использовал «Ладонь, Гасящую Жизнь», которая могла мучить человека до смерти. Жун Лоюнь дрожал у него на груди, свёрнувшись, словно хотел, чтобы на его спине вырос панцирь.

— Ударь меня, чтобы я потерял сознание.

Жун Лоюнь схватил его за одежду.

— Ударь меня... найди старшего брата...

Хо Линьфэн притворился глухим:

— Кого найти?

Жун Лоюнь умолял:

— Старшего брата... найди старшего брата...

Дуань Хуайкэ был силен внутренней энергией, и, конечно, он был спасительной соломинкой. Но Хо Линьфэн не двинулся с места, лицо Жун Лоюня, искажённое болью, было так близко, он смотрел на него, и его внутренняя башня рушилась.

Одежда на груди становилась всё туже, и вдруг Жун Лоюнь отпустил её, слабо прошептав:

— Мне нужен старший брат...

Тогда в телеге он тоже хотел сказать это? Прижимаясь к его спине, держась за его талию, но в мыслях ища старшего брата за триста ли? Хо Линьфэн, словно устав слушать, поднял Жун Лоюня:

— Какой ещё старший брат, его далёкая вода не потушит твой горящий огонь.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16167/1449220>